

Б Е И И О.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЛОРДА БАЙРОНА.

I.

Извѣстенъ всѣмъ, — не сомнѣваюсь въ томъ, —
Католиковъ классическій обычай:
За нѣсколько недѣль передъ постомъ
Они толпой всѣхъ классовъ, безъ различій, —
Будь хоть богачъ, иль въ званіи простомъ,
Съ спасительной, какъ думаю я, цѣлью,
Спѣшатъ предаться общему веселью;
Готовясь къ покаянію, спѣшатъ
Въ блистательный и пестрый маскарадъ,
Гдѣ въ вихрѣ пѣсенъ, музыки и пляски
Скользятъ и выются бѣщедныя маски.

II.

Лишь только ночь свой пологъ развернетъ,
(И тѣмъ темнѣй, тѣмъ лучше) наступаетъ

Пора, которой мужъ со страхомъ ждетъ
 И съ трепетомъ любовникъ ожидаетъ.
 Ханжа кривитъ улыбкою свой ротъ,
 И, скромности оковы разбивая,
 Шалитъ открыто юность огневая.
 Разгуль и плескъ!... на языкѣ у всѣхъ
 Запасъ острогъ и неподдѣльный смѣхъ,
 И звукъ рудадъ, и шепотъ страстной пары
 Сливаются съ аккордами гитары.

III.

Пестрѣютъ вокругъ одежды разныхъ странъ,
 Костюмовъ фанастическія краски,
 Нарядъ жидовъ, и грековъ, и римлянъ,
 И арлекиновъ прыгающихъ маски,
 И индусовъ затѣйливый тюрбанъ,
 И подъ чалмой прелестныя турчанки
 И, наконецъ, — нескладный, хмурый янки.
 Нарядовъ — тьма; лишь въ этотъ маскарадъ
 Не разрѣшается носить одинъ нарядъ...
 На карнавалъ веселый и донинѣ
 Избавь васъ Богъ явиться въ капуцинѣ.

IV.

Нѣтъ, лучше вовсе будь безъ панталонъ,
 Иль терніемъ обвей себя для танца,
 Чѣмъ возмутить людей со всѣхъ сторонъ
 Намекомъ на одежду францискавца.
 Тогда не пощадитъ тебя законъ,
 И будешь ты (какъ ни былъ бы ты важенъ)
 Въ адъ на уголья красные посаженъ,
 Гдѣ грѣшника изъ адскаго котла
 Ни чья рука спасти бы не могла,
 И... лишь посредствомъ денежнаго вклада,
 Тебя, быть можетъ, выпустятъ изъ ада.

V.

И такъ, за исключеньемъ черныхъ рясъ,
 Вы можете одѣться по картинкѣ,
 Какой угодно только; такъ не разъ
 На лондонскомъ тряпичномъ старомъ рынкѣ
 Иной колетъ, лишь изъ однихъ проказъ,
 Искали вы для вечера, иль бала.
 Въ Италиі подобныхъ мѣстъ не мало,
 Но, — ужъ таковъ волшебной рѣчи складъ, —
 Названья ихъ, какъ музыка звучатъ,
 А въ Англиі кварталъ найдемъ едва ли,
 Который бы «Piazza» называли.

VI.

Тѣмъ праздникамъ названье: карнавалъ,
 «Прощайся съ мясомъ», — значитъ въ переводѣ.
 Понятенъ смыслъ: лишь только постъ насталъ,
 О мясѣ и не думаютъ въ народѣ;
 Но одного лишь я не понималъ —
 Зачѣмъ же постъ съ его трапезой тощей
 Встрѣчается веселостью всеобщей?
 Не по тому ли самому мы пьемъ,
 Сбираясь въ кругъ, и пѣнистымъ виномъ
 Бокалы наши дружно наполняемъ,
 Когда друзей въ дорогу провожаемъ?

VII.

Наступить постъ — и мяса больше нѣтъ:
 Всѣ сорокъ дней, вкушая лососину,
 Хоть злостью pripravляйте свой обѣдъ,
 А соусы? — о нихъ нѣтъ и помину.
 О, путники! не разъ отъ этихъ бѣдъ,
 Застигнуты нежданно діэтой, —
 Вы бранью раздражались (брани этой

Я съ музою не стану повторять),
 Не забывая гнѣвно объявлять:
 — Не можемъ мы (вамъ все одни пиры бы!)
 Бсть безъ приправъ, безъ сян этой рыбѣ...

VIII.

Охотникамъ до соусныхъ приправъ
 Рѣшаюсь дать совѣтъ такого рода,
 И думаю, что я останусь правъ:
 Сбираясь въ путь во всякій мѣсяць года,
 Съ собою брать запасы разныхъ травъ,
 Коренья, кечепу и соусы Горвея,
 Чтобъ не сидѣть голодными говѣя,
 Иначе же, — поклясться въ томъ могу,
 Вы, гдѣ нибудь на чуждомъ берегу,
 Безъ собственнаго повара, — повѣрьте, —
 Умрете разомъ отъ голодной смерти.

IX.

Я только лишь католикамъ внушалъ
 Какъ соблюдать обычай древній Рима,
 Но той діэтой вовсе не пугалъ
 Я чужестранца, ѣдущаго мимо,
 И чтобы онъ постовъ не соблюдалъ —
 Спѣшу предупредить: для протестантовъ,
 Для всѣхъ больныхъ, для прихотливыхъ франтовъ
 И... и для дамъ — охотницъ до причудъ,
 Не существуетъ вовсе рыбныхъ блюдъ.

.

X.

Нигдѣ во время оно не бывалъ
 Такъ безконечно веселъ и потѣшешъ,

И шумень итальянскій карнавалъ,
 Такъ оживленъ и несдержимо бѣшенъ,
 Какъ посреди венеціанскихъ залъ,
 Гдѣ покрывалъ разгулъ толпы нарядной
 Не мало тайнъ иитриги маскарадной,
 И не одинъ ловился жгучій взглядъ
 Подъ страстные напѣвы серенадъ.
 Вотъ въ ту Венецію, рожденную волною,
 Послѣдовать прошу теперь за мною.

XI.

Ахъ, красота венеціанскихъ женъ!
 Ихъ быстрый взглядъ, улыбки ихъ приманки!...
 Припоминалъ я образы мадоннъ,
 При взглядѣ на лицо венеціанки.
 Когда она склонится на балконъ,
 Вы, отдаваясь прелести обмана,
 Въ ней видите Венеру Тиціана
 (Хоть ту, что во Флоренціи стоитъ),
 Иль, наконецъ, ея прелестный видъ
 Напомнитъ вамъ, лишь только въ новомъ фонѣ,
 Одно изъ лицъ картинъ Джіорджіоне,

XII.

Гдѣ краски правдой жизненной полны.
 Когда зайдете вы въ дворецъ Манфрини,
 То, множествомъ картинъ окружены,
 Вы, можетъ быть, одной его картинѣ
 Останетесь покорны и вѣрны,
 И станетъ вамъ всего она дороже.
 Такъ нѣкогда со мною было то же,
 А почему? — тому разгадки нѣтъ,
 То просто былъ жены его портретъ,
 Но какъ онъ созданъ!... Творческая сила
 Земной любви въ немъ образъ воплотила,

XIII.

Да, той любви, которой миръ живетъ,
 Любви людской, встрѣчаемой на дѣлѣ,
 И вѣришь тутъ, что только жизнь даетъ
 Художнику подобныя модели.
 И что мечта до нихъ не дорастетъ...
 Въ картинѣ той, которую бь желали
 Вы унести, которую бь украли,
 Когда бы страхъ иль стыдъ не помѣшалъ,
 Чудесный образъ тотъ напоминалъ,
 Что вамъ давно черты знакомы этѣ,
 Но что ужь вновь не встрѣтитъ ихъ на свѣтѣ.

XIV.

Тотъ образъ намъ знакомъ когда-то былъ
 Въ дни юности, на подвиги готовой,
 И юноша искать его любилъ
 На лицахъ дѣвъ, при каждой встрѣчѣ новой,
 Когда онъ въ тишинѣ боготворилъ
 Созланія безъ имени, безъ тѣла,
 Которыхъ жизнь создать намъ не хотѣла,
 Которыхъ мы не встрѣтимъ никогда,
 Какъ тѣхъ плеядъ, пропавшихъ безъ слѣда,
 Растаявшихъ дыханіемъ эфира
 И ставшихъ невидимками для міра.

XV.

Дѣйствительно, венеціанки видъ
 Напоминаетъ кисть Джорджіоне,
 Особенно когда она стоитъ
 Одна, передъ рѣшеткой на балконѣ.
 (Вѣдь красота сильнѣе поразитъ
 Когда мы къ ней стоимъ не очень близко).
 И вотъ тогда, склонясь къ рѣшеткѣ низко,

Тайственно раздвинувъ складки шторъ
И вокругъ себя бросая томный взоръ,
Венеціанка кажется прекрасна,
Что не всегда бываетъ безопасно.

XVI.

За тѣмъ, что взоръ невольный вздохъ родитъ,
Вздохъ пробуждаетъ тайныя желанья,
Желанье наконецъ заговоритъ
И — перейдетъ въ любовное посланье,
Съ посланьемъ же Меркурій полетитъ,
Охотникъ до подобныхъ порученій,
А тамъ — не миновать и приключеній,
Когда Амуръ войдетъ въ права сердецъ:
Свиданья, вѣчный страхъ, и наконецъ
Разбитыя ревнивцемъ съ жаждой мщенья
И головы, и клятвы увлеченья.

XVII.

Шекспиромъ былъ давно изображенъ
Типъ этихъ женщинъ въ милой Деэдемонѣ.
Въ Италиі до нынѣшнихъ временъ
Въ Венеціи роскошной и въ Веронѣ
Вы встрѣтите подобныхъ много женъ,
Съ той разницей, — мы думать можемъ смѣло, —
Что ихъ мужья не слѣдуютъ Отелло,
Что всѣ мужья прекрасной той страны,
Какъ черный мавръ, для женщинъ не страшны,
И женъ душили едвали-бъ захотѣли,
За то, что тѣ поклонниковъ имѣли.

XVIII.

Но если кто въ нихъ ревность и найдетъ,
То свойства очень мирнаго, и нынѣ

Изъ нихъ никто подушки не возьметъ,
 Чтобъ задушить жену свою въ перитѣ;
 Нѣтъ, беззаботный, вѣтреный народъ
 Въ несчастіи иную приметъ мѣру,
 И если въ женѣ мужа теряютъ вѣру,
 Изъ нихъ никто не будетъ пораженъ
 Открытою невѣрностію женъ,
 Но каждый мужъ супругѣ отомщаетъ
 Лишь только тѣмъ, что самъ ей пмѣняетъ.

XIX.

Случалось ли гондолу видѣть вамъ?
 Я опишу подробно: лодка эта
 Съ навѣсомъ и рѣзьбою по угламъ,
 Безмолвная, вся трауромъ одѣта,
 Какъ темный гробъ, несется по волнамъ.
 За веслами сидятъ два гондольера,
 И весель ихъ рассчитанная мѣра
 Едва слышна... несется странный гробъ,
 И разгадать не въ силахъ былъ никто-бъ,
 О томъ, что въ тишинѣ его творится,
 Что подъ его навѣсомъ говорится.

XX.

И день, и ночь гондолы вокругъ скользятъ,
 Шныряютъ вдоль Ріальто, по каналамъ,
 И у театровъ группы ихъ стоятъ,
 Открытыя всѣмъ путникамъ усталымъ,
 Но, какъ гондолы мрачно ни глядятъ,
 Закутавшись угрюмо въ балдахины, —
 Ихъ мрачными считать намъ нѣтъ причины,
 За тѣмъ, что и въ гондолѣ мы, порой,
 Встрѣчали жизнь, и смѣхъ, и пиръ горой.
 Такъ часто мы съ процессіи печальной
 Спѣшимъ, смѣясь, въ каретѣ погребальной.

XXI.

Но я еще рассказъ не начиналъ.
 Лѣтъ за сорокъ назадъ тому открылся
 Въ Венеціи блестящій карнавалъ,
 И переряженный народъ завеселился.
 Однажды, разодѣта, какъ на балъ,
 Одна венеціанка пожелала
 Взглянуть на шумный праздникъ карнавала.
 Какъ имя ей? — не могъ я угадать,
 А потому хочу ее назвать
 Лаурою. Названіе Лауры
 Удобнѣе для римъ и для цезуры.

XXII.

Она была не очень молода,
 Но ужь никакъ старухой не смотрѣла,
 Иль дамой, у которой никогда,
 При отношеньяхъ вѣжныхъ самыхъ, смѣло
 Нельзя спросить о возрастѣ. Года
 Подобныхъ дамъ покрыты строгой тайной,
 И ни за что — ни прямо, ни случайно —
 У нихъ (таковъ упрямый женскій родъ)
 Не выпытать: который же вамъ годъ?
 Онѣ молчатъ съ терпѣніемъ великимъ,
 Что, впрочемъ, мнѣ всегда казалось дикимъ.

XXIII.

Не такова была Лаура. Нѣтъ,
 Еще года лицо ея щадили,
 И жизнь ея въ разцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ
 Была свѣтла. Лауру находили
 Красавицей, когда, являясь въ свѣтъ,
 Неслись за ней восторженные рѣчи
 (Съ красавицей въ толпѣ пріятны встрѣчи).

И потому—то было такъ свѣтло
 Всегда ея высокое чело,
 Улыбка съ устъ румяныхъ не сползала
 И всякаго, казалось, награждала.

XXIV.

Лаура—замужемъ. Я здѣсь замѣчу вамъ:
 Замужнихъ дамъ покойнѣе дорога;
 За тѣмъ, что на грѣшки подобныхъ дамъ
 Вездѣ сквозь пальцы смотримъ мы, не строго,
 Но если же — со страхомъ передамъ —
 Дѣвица, отшатнувшись отъ приличій,
 Замужствомъ не прикроетъ грѣхъ дѣвичій,
 То ждуть ея позоръ и вѣчный стыдъ,
 Когда она сама не поспѣшитъ
 Свои дѣла, какъ только будетъ можно,
 Вести съ людьми умно и осторожно.

XXV.

Лауры мужъ, по званью моряка,
 Скитался по морямъ и по чужбинѣ,
 Когда же, возвратясь издалека,
 Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ,
 И имъ овладѣвала тамъ тоска, —
 Жена его на вышку поднималась,
 Откуда ей все море открывалось
 И судно, на которомъ мужъ приплылъ
 Изъ странствія далекаго. Онъ былъ
 Купецъ—морякъ, торгующій съ Алеппо,
 По имени Джузеппе или Беппо.

XXVI.

Съ его лица загаръ не пропадалъ.
 И былъ онъ смуглъ, какъ истинный испанецъ,

Но красоту едваль въ немъ уменьшалъ
Его густой, коричневыи румянецъ;
Онъ, какъ морякъ, нисколько не терялъ
Отъ этого суроваго загара,
И вообще съ женой своей былъ пара:
Лаура же, хотъ не была горда,
Непобѣдимою считалася всегда,
Была для всѣхъ, какъ свѣтъ ее ославилъ,
Женою самыхъ строгихъ, строгихъ правилъ.

XXVII.

Съ послѣдней ихъ разлуки много лѣтъ
Прошло, — но все домой не ѣхалъ Бенпо.
Какъ, почему его такъ долго нѣтъ? —
Судили большей частію нелѣпо.
— Онъ утонулъ! рѣшилъ сначала свѣтъ,
Потомъ же остроумно порѣшили,
Что отъ долговъ бѣжалъ онъ; даже были
Охотники побиться объ вкладъ:
Вернется ль онъ когданибудь назадъ?...
Такъ многіе, чтобъ въ мнѣннн убѣдиться,
Тотчасъ же объ вкладъ спѣшать побиться.

XXVIII.

Печально очень было, говорятъ,
Супруговъ разлучавшихся прощанье
И каждый былъ предчувствіемъ объять
Что это ихъ послѣднее свиданье.
(Предчувствія подобныя страшатъ,
Какъ сонъ воображенія больнаго;
Испытывать ихъ вовсе мнѣ не ново.)
Подъ чарами такихъ же смутныхъ грезъ
Предчувствіе печальное унесъ
Съ собою мужъ, и затаялъ онъ горе,
Плывя въ Адриатическое море.

XXIX.

Не ѣдетъ мужъ, Лаура все груститъ,
 Лаура плачетъ, въ трауръ наряжалась,
 Вдругъ потеряла вовсе аппетитъ
 И спать одна рѣшительно боялась:
 Едва гдѣ только ставень заскрипитъ,
 Малѣйшее услышитъ гдѣ движенье —
 Ей чудятся — то воръ, то привидѣнье.
 Ей цѣлый день нигдѣ покоя нѣтъ,
 И вотъ она, во избѣжанье бѣды
 И чтобъ чего не сдѣлалось съ ней хуже,
 Рѣшилась завести себѣ виць-мужа.

XXX.

Лаурою былъ выбранъ для услугъ
 (А женщины некусны такъ на это),
 Пока не возвращается супругъ,
 Давно ужъ безъ вѣсти пропавшій гдѣ-то,
 Ей выбранъ былъ, сказалъ я, новый другъ,
 Одинъ изъ тѣхъ, всѣ дамы на которыхъ
 Глядятъ съ негодованьемъ въ чистыхъ взорахъ,
 А въ тайнѣ ихъ не прочь и полюбить;
 То былъ шалунъ, привыкшій шумно жить,
 Богатый графъ, мотавшій денегъ груды.
 О немъ такое мнѣнье было встоду.

XXXI.

Онъ музыку и танцы изучилъ,
 Блистательно умѣлъ играть на скрипкѣ,
 Онъ по французски бойко говорилъ,
 И даже по тоскански безъ ошибки.
 Послѣднимъ онъ особенно дивилъ,
 (Въ Итали — спѣшу предостеречь я —
 Ломаютъ всѣ этрусское нарѣчье)

И постановки оперной знатокъ,
 Къ пѣвцамъ онъ былъ неумолимо строгъ,
 Ту арию всегда встрѣчали хмуро,
 Когда кричалъ онъ въ преслахъ: «Siccatura!»

XXXII.

Всей оперѣ давалъ онъ приговоръ
 Молчаніемъ или громкимъ крикомъ: «bravo!»
 Дрожалъ оркестръ, страшась за свой позоръ,
 Когда, смотря на-лѣво и на-право,
 Бросалъ ему нашъ графъ презрѣнья взоръ,
 Иной фальшивой нотой возмущенный;
 И дрожь овлаживала примадонной,
 Когда, трудясь надъ выводомъ руладъ,
 Встрѣчала вдругъ его лукавый взглядъ;
 Желали всѣ: сопрано, басъ, контръ-альто,
 Чтобъ онъ хоть провалился подъ Ріальто.

XXXIII.

Онъ былъ поэтъ, романсы распѣвалъ,
 Острилъ подчасъ находчиво и мѣтко,
 Всегда импровизаторовъ ласкалъ
 И самъ импровизировалъ верѣдко;
 Достоинство картины понималъ
 И даже слылъ за ловкаго танцора, —
 Въ Италіи жь подобной славы скоро
 Не заслужить; извѣстно съ давнихъ поръ,
 Что итальянецъ вовсе не танцоръ.
 И такъ, онъ слылъ за льва въ извѣстномъ кругѣ
 И былъ герой... хоть для своей прислуги.

XXXIV.

Къ тому же, онъ для многихъ женщинъ былъ
 Находкой рѣдкой, въ этомъ я увѣренъ:

Чѣмъ холоднѣй онъ женщину любилъ,
 Тѣмъ долѣе ей оставался вѣренъ,
 И потому ни разу не смутилъ
 Иной души блаженнаго покоя.
 Въ немъ билось сердце вовсе не такое,
 Которое, принявъ любовь въ себя,
 Само затрепетало бы любя.
 Онъ былъ любовникъ школы очень странной —
 Не любящій хотя, но постоянный.

XXXV.

Вотъ почему печальная жена
 Вдругъ увлеклась такимъ героемъ сѣпо
 И мужу не осталася вѣрна.
 Кто жъ виноватъ, что не вернулся Бенпо?
 И сколько жъ лѣтъ Лаура ждать должна?
 Она могла считать себя вдовою,
 И мужъ ея досужею молвою
 Давно, давно ужъ былъ похороненъ;
 Дѣйствительно, когда не влечетъ онъ,
 То долженъ мертвецомъ для всѣхъ казаться,
 Или, по крайней мѣрѣ, имъ считаться.

XXXVI.

При томъ, для заальпійскихъ женъ
 (Хоть грѣхъ большой, прибавлю я къ тому же)
 Уже давно почти вошло въ законъ,
 Прости ихъ Богъ! имѣть и по два мужа.
 Не знаю вѣрно, кѣмъ былъ занесенъ
 За альпы тотъ прелестнѣйшій обычай,
 Но онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій
 И повсемѣстно въ обществѣ терпимъ,
 Гдѣ никого не трогало, что имъ
 Между двумя вторичный бракъ скрѣплялся,
 Которымъ первый тотчасъ нарушался.

XXXVII.

Въ Италиі «побочный» мужъ прослылъ
 Подъ именемъ вульгарнымъ «чичисбея»
 (Но это имя прежде онъ носилъ).
 Тотъ модный бракъ, нисколько не робѣя,
 Къ испанцамъ даже доступъ получилъ.
 Надежда есть, что очень, очень скоро,
 Моря переплывая и озера,
 Всѣ страны эта мода заразить.
 Но Англии пускай не посѣтитъ,
 Иначе тамъ отъ язвы этой моды
 Начнутся только штрафы да разводы.

XXXVIII.

Хотя всегда съ почтеніемъ я гляжу
 На юныхъ дѣвъ, лукавить для чего же?
 Я откровенно все-таки скажу:
 Мнѣ женщина гораздо ихъ дороже,
 Когда за ней я въ обществѣ слѣжу
 Иль съ глазу на глазъ съ нею повстрѣчаюсь.
 Обрисовать я этимъ не стараюсь
 Ни англійскихъ и ни французскихъ женъ;
 Я говорю: всѣхъ дамъ свободный тонъ
 И эта рѣчь, текущая свободно,
 Плѣвять, сведуть съ ума, кого угодно.

XXXIX.

Взгляните жь вы на рядъ прелестныхъ миесъ.
 Какъ хороши!... но такъ онѣ пугливы,
 Такъ часто опускаютъ глазки внизъ,
 И краскою алѣютъ, точно сливы,
 Что вы отъ нихъ всегда бы отреклись.
 Всего стыдись, молчатъ онѣ упрямо
 И словно ждуть, что имъ подскажетъ «тамша»,

И ихъ занятя, лепеть, робкій взглядъ
 Напомнятъ вамъ спелененныхъ ребятъ.
 При томъ, отъ миссъ межъ англійскимъ народомъ,
 Всегда немножко пахнетъ бутербродомъ. .

XL.

И такъ, названье: Cavalier sergente
 (Вездѣ употребительное слово)
 Лишь значить — мужъ заштатный, или франтъ,
 Запятія не знающій инаго,
 Какъ постоянно, — это ихъ талантъ, —
 Быть продолженьемъ шлейфа милой леди,
 Приятно улыбаться на обѣдѣ,
 Отыскивать гондолу, экипажъ,
 Услуживать при случаѣ, какъ пажъ,
 Носить за ней перчатки, шали, шляпки
 И въ магазинахъ купленные тряпки.

XLI.

Какъ ни была бѣ Италия страшна
 Для всѣхъ мужей, знакомыхъ съ мукой ада,
 Люблю тебя роскошная страна,
 Люблю смотрѣть на кисти винограда,
 Въ полдневный зной у вскрытаго окна,
 Виющихся въ несвязанныхъ размѣрахъ
 (Тотъ виноградъ не тотъ, что на шпалерахъ),
 Гдѣ лозы прихотливо заплелись,
 Зеленой бахромой спадая внизъ.
 Такъ на холстѣ, натянутомъ на рамахъ,
 Малюютъ виноградникъ въ мелодрамахъ.

XLII.

Люблю скакать безъ усталы верхомъ
 Въ осенній день, не спрашивая грума,

Лежить ли плащъ дорожный за сѣдломъ,
 Боясь, что солнце спрячется угрюмо
 И я могу промокнуть подъ дождемъ.
 Передо мной вся въ зелени аллея,
 И путь свой перерву я не жалѣя,
 Когда воевъ увижу длинный рядъ,
 Везущихъ спѣлый, красный виноградъ, —
 А въ Англии, на каждомъ перекресткѣ,
 Съ навозомъ бы попались намъ цыганки.

XLIII.

Любилъ я, солнце, весело смотрѣть
 На твой закатъ, увѣренный заранѣ,
 Что завтра такъ же будешь ты горѣть,
 И не скрываясь въ утреннемъ туманѣ,
 Какъ и всегда, не перестанешь грѣть.
 Нѣтъ, не напомнитъ намъ твой взоръ привѣтный
 Взоръ пьяницы мертвящій и безцвѣтный,
 И при лучахъ роскошныхъ южныхъ дней,
 Не вспомню я о заревѣ огней,
 Съ болѣзненнымъ мерцаніемъ горящихъ
 Въ чаду паровъ, надъ Лондономъ висящихъ.

XLIV.

Люблю тебя, Италиі языкъ!
 Ты, каждый слухъ чаруя и балуя,
 Напоминать гармоніей привыкъ
 Волшебный звукъ святаго подалуя,
 Съ устъ женщины сбѣжавшій въ сладкій мигъ.
 Въ томъ языкѣ, — весь ютъ благоуханный!
 Сравню ль его съ нарѣчіемъ тѣхъ странъ,
 Иль съ разговоромъ хмурыхъ англичанъ,
 Которые не могутъ выражаться,
 Чтобъ не шипѣть, свистать и не плеваться?

XLV.

Люблю еще (и кто же слабость ту
 Миѣ не простить?) прелестныхъ итальянокъ,
 Равно ихъ всѣхъ люблю за красоту:
 И смуглолицыхъ, огненныхъ крестьянокъ,
 Ихъ черныхъ глазъ и жаръ, и теплоту,
 Въ которыхъ страсть горитъ съ улыбкой кроткой,
 И важныхъ дамъ съ классической походкой,
 Люблю ихъ взоръ, вамъ говорящій вдругъ,
 Что въ немъ живетъ — и этотъ теплый югъ,
 И той природы дѣвственныя ласки,
 И тѣхъ небесъ полуденныя краски.

XLVI.

О, красота! Ты Ева той страны!
 Рафаэля не ты ли возродила,
 Чьи образы безсмертью преданы?
 Не ты ль его съ богами породила,
 Которые завидовать должны
 Его твореньямъ?... Чья же, чья же лира
 Достойна воспѣвать тебя для міра?
 Нѣтъ, ни одинъ пѣвецъ не воспоетъ
 Твоихъ чудесъ, твоихъ живыхъ красотъ
 И всѣ слова бессильны и не новы,
 Пока живутъ созданія Кановы.

XLVII.

«Все въ Англіи люблю я» (такъ въ Калѣ
 Я говорилъ), «и даже недостатокъ!»
 Оставшись вѣренъ этой похвалѣ,
 Люблю твое правительствѣ о, порядка,
 Люблю свободу въ англійской землѣ
 (Пока ее имѣютъ англичане),
 Права пера въ литературномъ станѣ,

Люблю типографическій станокъ,
 Котораго стѣснить никто не могъ,
 Люблю я шумъ парламентскаго спора,
 Лишь только въ оныя оживлялся скоро.

XLVIII.

Люблю налогъ, который не тяжелъ,
 И огонекъ, пылающій въ каминѣ,
 Люблю биштексъ, поставленный на столъ,
 И пиво я люблю еще до нынѣ,
 Люблю, покаждъ дождикъ не пошелъ,
 Хорошую погоду (а погода
 Бываетъ хороша, въ теченье года,
 Три мѣсяца, и то едва-едва),—
 И такъ, люблю Британію права,
 Ея гражданъ солидность и свободу
 И не совѣмъ веселую природу,

XLIX.

Ея солдатъ и темныхъ фабрикъ дымъ,
 Ея проекты, подати, реформы,
 И митинги, которыми хотимъ
 Себя увѣрить съ очень давнихъ поръ мы,
 Что мы—народъ свободный; мной любимъ
 Ея банкротствъ тяжелыхъ списокъ длинный
 И ледъ, и холодъ ледя нашей чинной,
 И нашъ холодный, сѣверный туманъ,
 Ну, словомъ,—все въ отчизнѣ англичанъ,
 Какъ есть теперь, или какъ прежде было,
 Миѣ кажется плѣнительно и мило.

L.

Но возвращусь къ разсказу. Миѣ давно
 Пора окончить это отступление,

Къ тому жь, въ глазахъ читателей, оно ..
 Со стороны поэтовъ — преступенно.
 Читателю совсѣмъ не оуждено
 Такъ подчиняться авторскимъ напризамъ.
 И, склонный къ неожиданнымъ сюрпризамъ,
 Онъ непремѣнно требуетъ отъ насъ
 Съ моралью и съ завязкою рассказъ,
 Который нервы трогалъ бы, а это
 Вѣдь не всегда по силамъ для поэта.

LI.

Когда бъ я могъ, читатели, для васъ
 Писать легко, зѣвать не заставляя!
 Когда бъ я могъ взобраться на парнасъ,
 Гдѣ засѣдаютъ музы, вдохновляя
 Иныхъ пѣвцовъ!... О, что бы за рассказъ,
 Хоть греческій или ассирійскій даже,
 Я написалъ тотъ часъ же для продажи!
 И отдалъ бы книгопродавцамъ въ плѣнь
 Богатое собранье пестрыхъ сценъ,
 Чувствительныхъ весьма, сантиментальныхъ,
 Съ присутствіемъ героевъ идеальныхъ.

LII.

Но я пѣвецъ, увы! не безъ грѣха,
 Мнѣ мѣста нѣтъ на славномъ Геликонѣ,
 Я риму подбираю для стиха
 Какая попадется въ лексиконѣ
 (Пусть рима будетъ даже и плоха),
 О критикахъ не думая заранѣ,
 Меня предать готовыхъ грозной брани;
 И даже я нерѣдко на пути
 Предполагалъ до прозы низойти,
 Но мода на стихи пошла въ народъ, —
 И я останусь вѣрнопъ этой модѣ.

LIII.

Съ Лаурой графъ жилъ мирно и въ ладу,
 Почти шесть лѣтъ ихъ связь не прерывалась,
 Хоть иногда у нихъ—разъ нѣсколько въ году—
 И ссора межъ собою начиналась,
 Но не служила, впрочемъ, къ ихъ вреду,
 И ревностью навѣянная ссора
 Всегда кончалась очень, очень скоро.
 Въ подобныхъ отношеніяхъ нельзя жь,
 Чтобъ маленькая ссора или блажь,
 Ревнивый гнѣвъ, или что нибудь такое,
 Не нарушали изрѣдка покоя.

LIV.

Но вообще счастливою четой
 Назвать ихъ можно было безъ пристрастья,
 Счастливою на столько, что пустой
 Иной капризъ не нарушалъ ихъ счастья:
 Она плѣняла зрѣлой красотой,
 Онъ нѣженъ былъ, для нихъ любви оковы
 Казались легки и несуровы.
 Свѣтъ ихъ щадилъ, и лишь порой ханжа
 Ихъ къ чорту посылалъ, но сторожа
 Всѣхъ юношей, попавшихъ въ сѣть къ амуру,
 Чортъ пощадилъ и графа, и Лауру.

LV.

Да, молодость любовь ихъ сберегла.
 Любовь и юность—всюду неразлучны;
 Вѣдь безъ любви и юность не тепла,
 Безъ юности любви порывы скучны.
 Одна любовь въ дни юности могла
 Насъ оживлять, смиряя жизни ропотъ,
 Одну любовь не улучшаетъ опытъ,

Печальный опытъ многихъ трудныхъ лѣтъ.
 Не потому ль старикъ, въ которомъ нѣтъ
 Того огня, что юность оживляетъ,
 Насъ ревностью своею забавляетъ.

LVI.

Былъ карнавалъ. (Строфъ тридцать шесть назадъ
 Я объявилъ читателю объ этомъ).
 Лаура, приготовивъ свой нарядъ,
 Заняться поспѣшила туалетомъ.
 Такъ дѣлалъ, вѣроятно, мой собратъ,
 Заботясь о задуманномъ нарядѣ,
 Чтобъ быть у мистриссъ Бемъ на маскарадѣ.
 Лишь разница въ тѣхъ случаяхъ одна:
 Веселью долѣе Италія вѣрна,
 Гдѣ карнавалъ всѣмъ маски надѣваетъ
 И шесть недѣль съ толпы ихъ не снимаетъ.

LVII.

Лаура нарядилась не спѣша.
 Подобныхъ женщинъ рѣдко встрѣтишь въ мирѣ.
 Она была свѣжа и хороша,
 Какъ херувимъ... на вывѣскѣ въ трактирѣ,
 Иль, наконецъ, сравненьемъ не грѣша,
 Какъ первая виньетка на журналѣ,
 Гдѣ модныя картинки прикрывали
 Обертками изъ тонкаго листка,
 За тѣмъ, чтобъ ни единая строка
 Отъ сильнаго давленья не осталась
 На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тальма рисовалась.

LVIII.

Они пошли въ Ридотто; это залъ,
 Гдѣ люди пьютъ, танцуютъ, веселятся,

Балъ съ масками, большой народный балъ,
 Который бы напомнилъ, можетъ статься,
 (Хоть въ меньшемъ видѣ только) нанъ воксалъ,
 Съ той разницей, что тамъ героевъ бала
 Дождливая погода не пугала.
 И такъ—былъ балъ, и въ свѣтлой залѣ той
 Мы встрѣтились бы съ пестрою толпой,
 Которая (замѣчу въ назиданье)
 Гораздо ниже нашего вниманья.

LIX.

Такъ «пестрою толпою» мы всегда
 Часть публики извѣстной называемъ,
 Въ собраніяхъ которой никогда
 Друзей своихъ и близкихъ не встрѣчаемъ,
 Друзей, которымъ всюду безъ стыда
 Готовы мы при встрѣчѣ поклониться.
 Толпа—совсѣмъ иное, —подчинится
 Она всегда готова моднымъ львамъ,
 Капризамъ ихъ, веленьямъ и словамъ
 Избранниковъ однихъ «большаго свѣта»
 (Чѣмъ свѣтъ великъ?—темио названье его).

LX.

Такъ было прежде въ Англии, въ тѣ дни
 Когда являлись дэнди въ модномъ свѣтѣ;
 Быть можетъ, нынче изгнаны они
 Иною расой франтовъ на яркетѣ
 И доживаютъ жизнь свою въ тѣни...
 Избранники и демагоги моды!
 Не разъ къ вамъ безопасны были годы,
 Не разъ ващъ блескъ затерянъ былъ во мглѣ!
 Такъ погибаетъ слава на землѣ:
 Отъ войнъ, любви и, что гораздо хуже,
 Отъ зимняго мороза и отъ стужи.

LXI.

Примѣръ тому хотя Наполеонъ.
 Рукой могучей сѣвернаго Тора
 Онъ съ арміей своей былъ побѣжденъ,
 Стихіями осилень былъ безъ спора.
 Такъ храбрый китоловъ, со всѣхъ сторонъ
 Затертый льдами, въ морѣ погибаетъ,
 Такъ новичекъ со страхомъ разрываетъ
 Грамматики учебникъ роковой.
 Наполеонъ палъ жертвой боевой,
 А счастье?... но замолчу здѣсь строго,
 За тѣмъ, что въ счастье вѣрю я не много.

LXII.

Фортуны власть надъ нами велика.
 Безсмертная, отъ дѣла не старѣя,
 Намъ счастье раздаетъ ея рука
 Въ любви, въ женитьбѣ, въ картахъ, въ лотерей.
 Съ фортуной я не кончилъ счетъ пока,
 Она мой путь не много украшала,
 Но все жь меня надежда не кидала,
 Что, наконецъ, за тяжкій рядъ невзгодъ
 Она мнѣ дастъ порядочный доходъ.
 Я буду ждать... а потому-то нынѣ
 Ни слова не скажу я о богинѣ.

LXIII.

Разсказъ мнѣ не дается, словно кладъ,
 Начну—и двадцать разъ перерываю;
 Но—въ томъ размѣръ условный виновать,
 Котораго никакъ не уломаю.
 Бросать его—ужь поздно; радъ—не радъ
 Я подчинюсь капризному размѣру,
 Хотя въ него и потерялъ я вѣру,

Но ежели въ грядущіе года
 Съ нимъ, наконецъ, я справлюсь,—о, тогда,
 Почтивъ его своей послѣдней тризной,
 Я выберу размѣръ не такъ капризный.

LXIV.

Они пошли въ Ридотто (и туда
 Самъ думаю отправиться я скоро,
 Чтобъ нѣсколько развлечься, господа,
 Средь бальныхъ танцевъ, пляски, разговора,
 Чтобъ отгадать на балѣ иногда
 Черты лица подъ темной пеленою,
 А такъ какъ скука странствуетъ за мною,
 Не торопясь, то, посѣтивши балъ,
 Ее, пожалуй, я бы перегналъ
 На часъ одинъ, на полчаса, положимъ,
 А въ полчаса мы много сдѣлать можемъ).

LXV.

А между тѣмъ, Лаура въ залъ вошла,
 Лицо ея улыбкою сіяло,
 Иныхъ она къ себѣ подозвала,
 Шепталась съ тѣмъ, тѣмъ головой кивала,
 Когда жъ Лаура долго не могла
 Быть въ духотѣ,—по одному лишь взгляду
 Графъ приносилъ ей тотчасъ лимонаду,
 Потомъ она, оглядывая вокругъ
 Костюмъ своихъ блистательныхъ подругъ,
 Замѣтила, и даже не безъ вздоха,
 Что всѣ онѣ одѣты очень плохо.

LXVI.

Лицо одной пылало отъ румянъ,
 Та—локоны фальшивые имѣла,

На третьей—безобразнѣйшій тюрбанъ,
 Четвертая—какъ саванъ побѣлѣла,
 И застилала глаза ея туманъ;
 На пятой—весь костюмъ какой-то жалкій,
 Шестая—говорить провинціалкой,
 Седьмая, у которой по плечу,
 Но... «Видѣть ихъ я больше не хочу» (*),
 Чтобы онѣ, какъ привидѣнья Банко,
 Не шли за мной,—рѣшила итальянка.

LXVII.

Пока она осматривала залъ
 И масокъ разноцвѣтные наряды,
 Ее встрѣчали ропотомъ похвалъ,
 Она ловила огненные взгляды,
 И только женщинъ многихъ возмущала
 (Онѣ вдругъ стали пасмурны и хмуры)
 Восторгъ мужчинъ предъ красотой Лауры,
 Которой видъ, улыбка, свѣтлый взоръ
 Еще волнуютъ ихъ до этихъ поръ,
 —«И этого,—сказали втайнѣ дамы, —
 Ей извинить не можемъ никогда мы».

LXVIII.

Что жь до меня касается, то я
 Не прекословлю въ этомъ строгимъ дамамъ,
 Негодованье въ сердцѣ затая.
 Что для страны всегда казалось страдомъ,
 Волнуетъ постоянно и меня,
 И еслибъ я былъ облеченъ тѣмъ саномъ,
 Которымъ разрѣшается всегда намъ
 Все говорить,
 Тогда бы я затѣялъ новый родъ
 Проповѣдей, и проповѣди эти
 Извѣстность получили бы на свѣтѣ.

(*) «I'll see no more»,—фраза изъ Макбета, Шекспира.

LXIX.

И такъ, пока Лаура въ залѣ шла,
 Шутя, смѣясь на право и на лѣво,
 Не думая, что для подругъ была
 Причиною и зависти, и гнѣва,
 И граціей своей ихъ всѣхъ съ ума свела,
 Пока она въ блестящей залѣ бала
 Вокругъ себя поклонниковъ собирала,
 То съ этимъ объяснялася, то съ тѣмъ,
 Какой-то незнакомецъ между тѣмъ
 За ней слѣдилъ съ упорствомъ постояннымъ
 И нѣсколько — признаться нужно — страннымъ.

LXX.

Тотъ незнакомецъ туркомъ былъ одѣтъ
 Съ лицомъ почти-что бронзоваго цвѣта;
 Лаурѣ онъ понравился или нѣтъ —
 Не знаю я. Поклонникъ Магомета
 За многоженство, можетъ быть, привѣтъ
 И вызоветъ, но тольио мудрою намъ
 Завидовать его гаремнымъ женамъ,
 Которыхъ какъ рабынь скунаетъ онъ,
 И четырехъ имѣя въ домѣ женъ,
 Наложницъ можетъ, если есть охота,
 Держать всегда «ad libitum», безъ счета.

LXXI.

При томъ же онъ ихъ прячетъ подъ запоръ,
 Онъ лица ихъ скрываетъ подъ покровомъ,
 И женщина считаетъ за позоръ
 Съ мужчиною обмолвиться хоть словомъ,
 Хотя бъ онъ былъ родня ей съ давнихъ поръ,
 И тѣмъ рабамъ замужаннымъ едва ли
 Когда бъ нибудь завидовать мы стали.

Т. ХСVII. Отд. I.

Обычаю восточному вѣрны,
 Бездѣйствовать всю жизнь онѣ должны,
 Кормить дѣтей, купаньемъ нѣжить кожу
 И подходить по очереди къ ложу.

LXXII.

Имъ не знакомы книжная печать
 И толки о послѣдней, новой драмѣ,
 Остротами не думая блистать,
 Онѣ совсѣмъ не склонны къ эпиграммѣ,
 Но еслибъ свѣтъ проникъ туда — какъ знать! —
 И начался расколъ во всемъ гаремѣ,
 Кто бъ справился съ красавицами тѣми?
 Но, къ счастью, что въ ихъ средѣ пока
 Не заводилось *силю чулка*
 И юноши румянаго, съ которымъ
 Онѣ могли бъ заняться *нижнимъ вздоромъ*.

LXXIII.

Имъ не знакомъ торжественный речень,
 За славою гоняющійся вѣчно,
 Ручной звѣрокъ, поэзіи палачъ,
 Терзающій нашъ слухъ безчеловѣчно,
 Стихами называющій свой плачь
 И хныканье; кривляка на депашѣ,
 Руководитель женщинъ на парнасѣ
 И юношей, задумавшихъ *творить*;
 Посредственность, желающая быть
 Прославленной, извѣстной для чего-то,
 Имѣя смыслъ и силу идиота.

LXXIV.

Имъ не знакомъ оракуль-огниоплець,
 Хвалящій то, что стоитъ поруганья,

Жужжащій дни и ночи на пролётъ
 И мучающій насъ безъ сѣстраданья
 Восторгами, — хотъ ихъ никто не ждетъ, —
 Иль, наглостью, цинизмомъ грязной брани,
 И съ жадностью глотающій въ туманѣ
 Извѣстность жалкую, и наконецъ
 Такихъ поэмъ бездарнѣйшій цѣвецъ,
 Что всѣ онѣ имѣли бъ славу ту же
 Когда бъ еще гораздо были хуже.

LXXV.

Непризнанныхъ талантовъ роль жалка.
 Они напоминаютъ почему-то
 Глядящаго надмѣнно свысока
 Лоскутьями обвѣшаннаго шута.
 Ихъ разгадать — задача не легка,
 Но самаго отчаяннаго фата,
 Котораго встрѣчали мы когда-то,
 Безъ устали болтавшаго, едваль
 Терпимѣ любой журнальный враль
 И вся колекція бумажныхъ насѣкомыхъ,
 Живущая въ журналахъ и въ альбомахъ.

LXXIV.

Я исключая избранныхъ натуръ
 Изъ темной касты пишущихъ педантовъ.
 Васъ, Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ Муръ,
 Васъ, съ обществомъ подобныхъ фигурантовъ,
 Съ собраніемъ плохихъ каррикатуръ,
 Не смѣшивалъ никто еще въ народѣ.
 Такъ пусть они, тупые по природѣ,
 Гонимыя за чужою острогой,
 Проходятъ безъ слѣдовъ передъ толпой,
 Съ запасомъ фразъ избитыхъ и мишурныхъ
 Для мальчиковъ и дамъ литературныхъ.

LXXVI.

Нѣтъ, мусульманкамъ съ дѣтскихъ ихъ пеленъ
 Невѣдомы, ко счастью, люди эти
 И чужды имъ, какъ колокола звонъ,
 Гудящій на турецкомъ минаретѣ,
 Но еслибы издать такой законъ
 (Я въ свой проектъ имѣю много вѣры),
 Чтобъ на востокъ пошли миссіонеры
 Съ запасомъ христіанскихъ, мудрыхъ книгъ
 Вводить въ гаремахъ книжный нашъ языкъ,
 Тогда навѣрно бъ мы пришли къ богатымъ
 И несомнѣнно важнымъ результатамъ.

LXXVIII.

Но не проникла химія въ гаремъ,
 Для дѣвъ его никто не сочиняетъ
 Религіозныхъ повѣстей, поэмъ,
 И лекціи никто имъ не читаетъ,
 Хотя о метафизикѣ. За тѣмъ,
 Онѣ картинныхъ выставокъ не знаютъ
 И за теченьемъ звѣздъ не наблюдаютъ,
 Не предаются вздохамъ при лунѣ
 И чистой математикой онѣ
 Не занимались въ школахъ педагога,
 За что всегда благодарю я Бога.

LXXIX.

А почему его благодарю? —
 Особья причины есть на это;
 Я ничего теперь не говорю
 И всѣхъ пока оставляю безъ отвѣта,
 Но, можетъ быть, когда я возгорю
 Желаніемъ — для прозы бросить яру —
 Я напишу объ этомъ вамъ сатиру.

Я склонность къ ней ужь чувствую давно,
 Хоть въ старости браниться и смѣшно:
 На склонѣ лѣтъ, тотъ смѣхъ насъ оживляетъ,
 Который думать чаще заставляетъ.

LXXX.

Веселья и невинности года!
 Дни чистаго, святаго упованья!
 Въ нашъ черствый вѣкъ, начавшій безъ стыда
 Все разрушать, въ припадкѣ отрицанья,
 Мы не отыщемъ вашего слѣда.
 Но, все равно! я остаюсь вамъ вѣренъ,
 И стану восхвалять васъ. Я увѣренъ
 Что времена счастливыя опять
 Придется намъ когда нибудь встрѣчать,
 И я теперь, о, сладкія мгновенья!
 Пью горкій джинъ за ваше возвращенье.

LXXXI.

А турокъ на Лауру все глядитъ,
 Не сводитъ глазъ съ нея ни на минуту,
 И взоръ его, казалось, говоритъ:
 — «Я на тебя смотрю, а потому-то
 Не уходи!»... подобный взоръ смутить
 Иную робкую, пугливую натуру,
 Но не смутилъ нисколько онъ Лауру.
 Случалось ей уже не въ первый разъ
 Выдерживать огонь подобныхъ глазъ,
 А потому безъ страха, безъ румянца
 Она встрѣчала взгляды иностранца.

LXXXII.

Ночь пронеслась, и близокъ былъ разсвѣтъ,
 И въ этотъ часъ любительницамъ бала

Осмѣлюсь дать одинъ благой совѣтъ:
 Покаместъ дня еще не наступало
 Скорѣй кидайте балъ или банкетъ.
 При освѣщеньи люстры вы блистали,
 Когда жь потухнуть лампы въ бальной залѣ
 И солнца лучъ въ окошко проскользнетъ,
 Тогда у васъ румянецъ пропадетъ,
 И яркіе лучи дневнаго свѣта
 Вдругъ обличатъ всѣ тайны туалета.

LXXXIII.

Когда-то, жизнь и время не цѣня,
 Я по баламъ шатался и упрямо
 Сидѣлъ всю ночь и ждалъ явленья дня,
 Чтобъ подсмотрѣть, найдется ли тамъ дама,
 Которая (кто жь обвинить меня
 Осмѣлится за наблюденье это?)
 Безъ страха встрѣтитъ лучъ дневнаго свѣта?
 Я много зналъ красивыхъ дѣвъ и женъ,
 Но лишь одной былъ только пораженъ,
 Которой щеки такъ же были алы
 При блескѣ дня, какъ и при лампахъ залы.

LXXXIV.

Я имени ея не назову,
 Не потому, что имя это — тайна,
 Но для чего жь бросать его въ молву,
 Когда она мнѣ встрѣтилась случайно
 Какъ свѣтлый сонъ, мелькнувшій на яву?
 Но, можетъ быть, ее вы-бъ повстрѣчали
 На лондонскомъ или парижскомъ балѣ,
 Гдѣ вы бывали вѣрно иногда;
 Идите же искать теперь туда
 Румянецъ щекъ, который безъ испуга
 Пospорилъ бы съ румянымъ утромъ юга.

LXXXV.

Лаура, безъ сомнѣнья, поняла
 Невыгоду на балѣ оставаться
 До той поры, когда исчезнетъ мгла
 И день начнетъ сквозь окна прорываться,
 А потому она уже была
 Готова балѣ оставить безъ печали.
 Графъ шелъ за ней съ запасомъ теплой шали
 И всевозможныхъ экстренныхъ услугъ;
 Они идутъ — но ихъ встрѣчаетъ вдругъ
 Препятствіе (не рѣдкіе примѣры):
 Отъ ихъ гондолы скрылись гондольеры.

LXXXVI.

Всѣ гондольеры, точно какъ у насъ
 Извощики передъ дверьми собраній
 Толкаются, тѣснятъ каждый разъ
 Среди пинковъ и самой крупной брани,
 И хоть порывъ тѣхъ слишкомъ грубыхъ фразъ
 Приходится смирять не рѣдко стражъ,
 Но и при ней они не могутъ даже
 Удерживать разнузданный языкъ,
 Къ которому едва ли кто привыкъ,
 А потому всѣ эти выраженья
 Я не введу въ рассказъ свой, безъ сомнѣнья.

LXXXVII.

Но наконецъ, гондолу отыскавъ,
 Поѣхали вдоль тихаго канала
 Они домой. Болталъ съ Лаурой графъ
 Объ обществѣ и о костюмахъ бала,
 Съ влословіемъ свой смѣхъ перемѣшавъ.
 Когда жъ они къ палаццо подплывали,
 И къ лѣстницѣ, кунавшейся въ каналъ,

Говдола тихо, тихо подплыла,
Лаура взоръ случайно подняла:
Вдругъ передъ нею — случай очень страненъ —
Опять стоитъ все тотъ же мусульманинъ.

LXXXVIII.

Графъ сдвинулъ брови. — «Слушайте, сеньоръ,
Поступки ваши требуютъ отвѣта
И вызываютъ насъ на разговоръ.
Зачѣмъ вы здѣсь? Иль, наконецъ, все это
Нечаянность? Но съ этихъ поръ
Вы прекратить должны свою причуду,
А иначе я самъ обязанъ буду
Заставить васъ... вы можете понять...»
— Мнѣ нечего, сеньоръ, вамъ объяснять, —
Отвѣтилъ турокъ тутъ не безъ улыбки: —
Здѣсь никакой, поймите, нѣтъ ошибки.

LXXXIX.

— И эта дама, графъ, — *моя жена!*..
Извѣстемъ неожиданнымъ не мало
Лаура вдругъ была поражена,
Но гдѣ-бъ британка въ обморокъ упала
И памяти лишиться бы должна,
Тамъ итальянка съ тайною мольбою
Въ одну минуту справится съ собою
Безъ помощи эссенцій спиртовыхъ,
Флаконовъ, оттираній роковыхъ,
Разрѣзанныхъ шнуровокъ на корсетѣ,
Какъ вообще случается на свѣтѣ.

XC.

Лаура растерялась и молчитъ.
И что сказать могла она? Ни слова.

Но иноземца вѣжливо спѣшитъ
 Графъ пригласить (хоть это было ново)
 Войти въ ихъ домъ. Онъ турку говорить:
 — «Чтобъ избѣжать публичнаго содома,
 Мы обо всемъ перетолкуемъ дома,
 Себя не выставляя на показъ
 Для сотни любопытныхъ слишкомъ глазъ,
 Иначе же дадимъ мы пищу разомъ
 Различнымъ толкамъ, сплетнямъ и рассказамъ».

XCI.

Они вошли въ палаццо. Имъ несутъ
 Душистый кофе, сдѣланный заранѣ;
 Извѣстно намъ — напитокъ этотъ чтутъ
 Равно какъ турки, такъ и христіане,
 Хотя его они различно пьютъ.
 Межъ тѣмъ Лаура, скрывъ свое смущенье,
 Воскликнула: «Ахъ, Беппо! Безъ сомнѣнья
 Ты не язычникъ? тотъ же, какъ всегда?
 Ахъ, Господи, какая борода!
 Гдѣ жъ ты скитался долго? Почему же
 Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?»

XCII.

«Не туркомъ ли вернулся ты назадъ?
 Не взялъ ли ты жену себѣ моложе?
 Ахъ, правда-ль, будто турки всѣ ѣдятъ
 Не вилками, а пальцами?.. Мой Боже!
 Таковую шаль видалъ ли кто наврядъ!
 Не мнѣ-ль ее привезъ ты изъ чужбины?
 Ахъ, да, скажи мнѣ, правда-ль, что свинины
 Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..
 И какъ ты могъ, скажи мнѣ, столько лѣтъ
 Жить безъ.... А я, Maria Santa, я же...
 Но ты такъ желтъ, что, право, страшно даже.»

XСІІІ.

«Ахъ, Беппо, борода къ тебѣ нейдетъ...
 Сбрей бороду пожалуйста скорѣе.
 Къ чему она? Чтобъ насмѣшить народъ?
 Иль ты забылъ, что, какъ и прежде грѣя,
 На родинѣ все такъ же солнце жжетъ?
 А твой костюмъ... прошу я, Бога ради,
 Не выходи теперь въ такомъ нарядѣ.
 Вѣдь у людей ужасно злой языкъ...
 И для чего жъ ты волосы остригъ?
 Ахъ, Господи! смотрѣть обидно, просто:
 Не сосчитать твоихъ сѣдыхъ волосъ-то!..»

XСІV.

Какъ Беппо отвѣчалъ своей женѣ
 Не знаю точно я, но, между нами, —
 Вотъ что о немъ теперь извѣстно мнѣ:
 Онъ на берегъ былъ выброшенъ волнами,
 И очутился вдругъ въ той сторонѣ,
 Гдѣ, будто бы, стояла прежде Троя,
 Но гдѣ тогда для нашего героя
 Настала жизнь неволи и труда,
 Но онъ бѣжалъ къ пиратамъ на суда
 И, добровольно ставши ренегатомъ,
 Жилъ хорошо и сдѣлался богатымъ.

XСV.

Разбогатѣвъ съ избыткомъ, началъ онъ
 Подумывать о родинѣ далекой,
 Съ которой былъ такъ долго разлученъ,
 И о странѣ родной тоски глубокой
 Не пересилилъ новый Робинзонъ,
 И къ ней влекло его неудержимо.
 Случилось разъ — корабль испанскій мимо

Тѣхъ самыхъ мѣстъ шелъ въ Корфу съ табаконъ;
 На тотъ корабль пробравшись тайкомъ
 И случаю себя ввѣря слѣпо,
 Отправился искать удачи Бенно.

XCVI.

Онъ на корабль испанскій переносъ
 Свои богатства, — Богу лишь извѣстно,
 Гдѣ онъ ихъ взялъ, — (не въ томъ теперь вопросъ:
 Они добыты честно иль не честно?)
 Но бѣгство это Бенно удалось.
 Онъ говорилъ: «лишь только *Провидѣнье*
Спасло меня тогда», —

 И такъ, корабль пустился быстро въ путь
 Безъ всякихъ бѣдъ, крушеній и погони,
 И простоявъ три дня на мысѣ Боннѣ.

XCVII.

Онъ прибылъ въ Корфу. Бенно тотъ же часъ
 Съ своимъ добромъ сѣлъ на другое судно,
 Гдѣ называлъ себя на этотъ разъ
 Купцомъ турецкимъ (было бѣ безразсудно
 И поступить иначе); на показъ,
 Онъ выставилъ товаръ свой для продажи.
 И торговалъ, никѣмъ не узнанъ даже.
 Такъ, избѣжавъ несчастій и засадъ,
 Въ Венецію вернулся онъ назадъ,
 Чтобъ вновь примкнуть къ забытому имъ кругу
 И снова отыскать свою супругу.

XCVIII.

Жена его радушно приняла,
 Безъ ропота, безъ явнаго проклятья,

Но тотчасъ же чалму съ него сняла,
И день одинъ ходилъ онъ въ графскомъ платьѣ;
Толпа друзей привѣтлива была
И стала ѣздить къ Беппо на обѣды,
На ужины и длинныя бесѣды
Хозяина, который всякій разъ
Готовилъ имъ какой нибудь рассказъ.
Но, хоть гостей бесѣда развлекала,
Въ рассказы тѣ я вѣрю очень мало.

XСІХ.

Быть можетъ, Беппо точно испыталъ
Не мало бурь и бѣдъ въ иные годы,
Но, наконецъ, и онъ покой узналъ
И вспоминать любилъ свои невзгоды,
Хотя подъ часъ съ Лаурой онъ бывалъ
И не въ ладахъ... Мнѣ, кстати, говорили,
Что онъ и графъ—пріятелями жили.
Но конченъ листъ, нѣтъ мѣста для пера,
И мой рассказъ кончатъ давно пора.
Давно пора! держусь хоть этой вѣры,
Но сталъ писать—и вышелъ вонъ изъ мѣры.

ДМИТРІЙ МИХАЕЛЪ.